

Троцкистская шайка реставраторов капитализма

(Передовая „Правды“ от 26 января)

С каждым часом судебного следствия на процессе антисоветского троцкистского центра все более обнажаются грязные душонки участников этой шайки, все более раскрываются не только их преступные действия, но и их стремления и замыслы—программа удушения народов СССР. Пятаков, Радек, Сокольников и прочие обер-подлецы Троцкого признают, что их цель и их программа кратчайшим образом определяется, как реставрация капитализма в нашей стране.

Троцкистская шайка и ее атаман не ограничивали себя одной только формулой реставрации капитализма. Они расшифровывали и детализировали эту формулу в переговорах и соглашениях с германскими и японскими империалистами, на штыках которых мечтали пробиться к власти.

Основой для переговоров с империалистами о продаже нашей родины Троцкий выдвинул, как это видно из обвинительного заключения и как это подтверждают троцкистские бандиты на суде, развитие в СССР частного капитала, роспуск колхозов, ликвидацию совхозов, отказ от политики индустриализации, сразу в концессию иностранным капиталистам целого ряда советских предприятий, предоставление Германии и Японии других экономических и политических выгод, в том числе уступки части советской территории.

Обессиленной, обескровленной, разорванной на части иностранными империалистами, вернувшейся к капиталистическому варварству—такой хотели сделать нашу родину троцкисты. Иуда Троцкий писал своим сообщникам—Радеку, Пятакову и другим, что он добивается «приравнивания социальной структуры СССР к капиталистическим державам». Пожилые рабочие и крестьяне СССР хорошо знают, что означает капиталистическое «приращение». Это — ликвидация социализма в СССР и замедла диктатуры рабочего класса диктатурой капиталистов и помещиков.

По статье 6-ой сталинской Конституции СССР: «Земля со всеми водами, во все больших размерах обрабатываемая новая, «своя» буржуазия, помещичья буржуазия германской и японской. Колхозы распускаются и на основе частно-собственнического хозяйства восстанавливаются капиталистические отношения и в деревне, и в городе.

Троцкисты хотели, чтобы опять, как встарь, воцарились на фабриках и заводах прежние капиталистические порядки. Они хотели, чтобы рабочий, который ныне в Советском Союзе полновластный хозяин на фабрике, стал рабом капиталиста; чтобы советский рабочий—ныне хозяин машины—стал ее невольником, придатком машины. Троцкисты хотели и добивались того, чтобы уничтожить завоевания рабочего класса СССР—завоевания всемирно-исторического значения. Они хотели уничтожить семичасовой рабочий день, уничтожить великие наши права на труд, отдых, образование и возродить ужасы безработицы, которые хорошо знакомы рабочим любого капиталистического государства, от которых избавлена победой социализма счастливая советская молодежь.

Троцкисты добивались и хотели распустить колхозы, которые являются бельмом в глазу капиталистических хищников. В колхозах десятки миллионов крестьян СССР нашли избавление от вековой эксплуатации помещика и кулака, нашли путь к зажиточной и культурной жизни, путь ликвидации векового идиотизма деревенской жизни, путь к счастью. Этого счастья и творческого коллективного труда хотели лишить наших крестьян троцкистская шайка.

Советская земля, занимаемая колхозами, закреплена за ними сталинской Конституцией в бесплатное и бессрочное пользование, то-есть навечно. Иуда Троцкий и его банда собирались не только отнять германским и японским империалистам Украину, Приморье и Приамурье, но по всей стране изрезать прекрасную советскую землю на имени кулаков и помещиков, на десятки миллионов мельчайших полосок единоличных хозяйств.

им продовольствие и жиры по ценам ниже мировых. Троцкий и его шайка хотели ликвидировать великие свободы советских граждан, записанные в сталинской Конституции победившего социализма, приравнять народ СССР сапогом германской и японской империалистической шайки. Они хотели расчленили Союз Социалистических Республик, наделить на народы СССР прямо колониальной эксплуатацией.

Троцкисты, в полном согласии со своими хозяевами, в полном согласии с Гитлером, хотели ликвидировать достигнутое СССР и записанное в нашей Конституции полное равноправие наций и рас. Они хотели низвести русский, украинский, белорусский, грузинский и все другие народы СССР на ступень «нижней расы», которой будет повелевать «высшая раса» разбойничьего германского фашизма. В книге Гитлера «Моя борьба», в этом евангелии фашистского разбоя, изложены заветные мечты германского империализма, которые легли в основу программы Иуды Троцкого. Гитлер пишет:

«Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду, в первую очередь, только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены». Германский фашизм хочет завоевать советские земли, покорить народы СССР, дабы «применить к делу рабочую силу низших рас... и в качестве завоевателя заставить их «работать так, как это соответствовало его желанию и его целям».

Эта бредовая мечта фашистских хулиганов, которая никогда не будет осуществлена!—стала мечтой троцкистской банды, выставившей программу колониального порабощения СССР, программу реставрации капитализма в СССР. Как и их хозяева, троцкистские холопы надеялись только на поражение СССР в войне с германским и японским империализмом, стремились ускорить эту войну и подгото-

вить ее. Все это не случайно. То, что ветренительной борбей за ликвидацию последствий вредительства, наводит нас на мысль, что у нас не все благополучно. Надо удешевить бдитель-

ность

Сравнивая контрреволюционную деятельность фашистских псов Радека, Пятакова, Дробыша, Строганова и других с безобразиями, которые творятся на шахте им. Орджоникидзе («Курбшенуголь»), мы, бурильщики, крепильщики, запальщики, приходим к выводу, что бдительность наша была до сих пор недостаточной. На протяжении января 1937 года мы не имели на шахте ни одного дня, чтобы не была загасована часть забоев, особенно на 5 восточном пласту (начальник участка Дробышев).

Удешевим бдительность

Вентиляционные печи № 75 и 74, как правило, всегда забиты углем, что нарушает правильный ход вентиляции (пониженной струи и тем самым выводит из строя часть забоев.

Вентиляционные трубы привешиваются на тонкую проволоку, которая после отпала падает и подача воздуха нарушается (начальник вентиляции Журавлев), а это также ведет к загасованию забоев. Люди во время работы утомляются. Второй параллельный штрек (отвечает пом. нач. участка Малахов) на протяжении 30 метров до сих пор не закреплен.

Безприданная система и стахановское разделение труда, как главные рычаги повышения производительности труда, у нас на шахте ликвидированы. Главный инженер Рудой и начальники районов Дробышев и Доможиров в раскомандировке ежедневно выдают рабочим нарды. Бурильщик, идя на работу, несет с собой бур, кайла, топоры, сумки для подвояки головы, потому что ему приходится выполнять всевозможные работы. Шахта третий месяц не выполняет государственной программы угледобычи.

Все это не случайно. То, что ветренительной борбей за ликвидацию последствий вредительства, наводит нас на мысль, что у нас не все благополучно. Надо удешевить бдитель-

ность

НИКОГДА НЕ УДАТСЯ НАЙМИТАМ ФАШИЗМА ВОССТАНОВИТЬ КАПИТАЛИЗМ НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ!

С чувством величайшего гнева против банды троцкистских наемников родины следят трудящиеся за ходом процесса. На снимке: рабочие механического отделения мартеновского цеха (бригада мастера Желнина) читают материалы суда над антисоветским троцкистским центром. (Фото И. Вакина)

Никогда, никому не отнять у нас социализма

300 стахановцев, ИТР и строителей завода и города 26 января заслушали информацию о процессе над троцкистским параллельным центром во главе с Пятаковым, Радеком, Сокольниковым, Серебряковым и другими. С глубоким возмущением говорили рабочие о троцкистских бандитах, готовивших реставрацию капитализма, заявляя, что никогда не удастся этим подлецам осуществить своих планов.

Стахановец-бетонщик Веленоцкий, работающий на производстве с 1897 года, рассказав, как он работал до революции, как над ним издевались мастера и подрядчики. Учеником его вместе учились посылать за водкой, били, взрослых его заставляли работать с 4-х часов утра до 8 часов вечера за

Стахановец-плотник тов. Королев рассказывает, как он работал батраком у кулака, работал по целым суткам за 30 рублей в год. Работал он и на заводе в Ленинграде у фабриканта, где мастера издевались над рабочими. Работал 12—15 часов, а получал 80 коп. в день.

—Я с ненавистью вспоминаю о до-революционном времени,—говорит т. Королев.—Несмотря на свою старость я грубую буду защищать завоеванные нами права.

Стахановец-плотник тов. Жданов вспоминает, как в 1914 году он работал у хозяина Анжерских копей Михельсона. Он заставлял работать 12—16 часов в сутки, а платил 80 коп. в день. Издевательствам над рабочи-

„Мы никогда не будем рабами фашистов“

26 января я провел беседу на 3-м участке цеха гражданского строительства о процессе над троцкистским параллельным центром. Рабочие проявили исключительную активность в обсуждении контрреволюционной деятельности троцкистов.

—Я хорошо помню кандалы Сибирь,—сказал бригадир тов. Стрига. Когда сюда ссылали сотни лучших летариев. Мой отец работал с утра до поздней ночи и зарабатывал гроши.

Под руководством орденосного командира большевиков Западной Сибири Р. И. Эдхо кандалы Сибирь превратилась в Сибирь социалистическую. На наших глазах выросли ромные предприятия, которых не было раньше—царская Россия.

Троцкисты намеревались превратить Западную Сибирь и всю нашу страну в колонию, а всех нас, хозяев страны, сделать рабами Гитлера. Вспоминается. Мы никогда не будем рабами фашистов. Мы готовы умереть за свободную, счастливую жизнь, которую мы завоевали под руководством большевиков.

Бригада строителей взяла на себя обязательство работать только по-стахановски, в январе программу выдать на 200 процентов.

Десятник БОР

Гнев колхозников

Гневные письма с требованием уничтожить контрреволюционных троцкистских гадов, представших перед Верховным судом СССР, поступили в редакцию от колхозников, курганской районной колхозной школы, от членов артели «Пробуждение», Таргадского сельсовета, В. П. Павлухина, колхозника артели «Красный показатель» Ильинского сельсовета, Чирикова, члена колхоза «Агитатор», Бостенковского сельсовета, Михалева, члена колхоза имени Калинин, Сосновского сельсовета, тов. Скурихина.

Это — ликвидация социализма в СССР и замена диктатуры рабочего класса диктатурой капиталистов и помещиков.

По статье 6-ой сталинской Конституции СССР: «Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организационные государственные и сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то есть всеобщим достоянием».

Все эти богатства нашей родины, добытые упорным трудом народа, троцкисты хотели отнять у народов СССР и передать их в грабительские руки иностранных капиталистов.

В показаниях на суде Пятаков, Рак, Сокольников рассказали, как представляли они себе процесс возрождения капитализма. Крупные предприятия они хотели сдать в концессию японским и немецким капиталистам. Вокруг концессионеров сосредотачивается частный капитал. Возрождает ся частная промышленность и торгов-

ским империализмом. Угасают Приамурье и Приморье, но по всей стране паразитирует прекрасная советская земля на имени кулаков и помещиков, на десятки миллионов мальчишеских полосок единоличных хозяйств.

Троцкистская мразь мечтала, чтобы вернулись безземелье и бедность в крестьянские семьи, чтобы злоба, как когда-то в царской России, а теперь во всем капиталистическом мире, росла в нашей деревне на одном поносе нищеты и голода миллионов, а на другом поносе — богатства кучки эксплуататоров. Они, троцкистские бандиты, хотели, чтобы кулаки стали хозяевами и господами в нашей деревне, они хотели разорить миллионы крестьян, отнять их в вечную кабалу кулаку, иностранному капиталисту, обреки крестьянство на муки голода, нищеты и унижения.

Троцкий и его банда стремились сделать всю нашу страну придатком «экономическим дополнением» к капиталистическому хозяйству Германии и Японии, превратить нашу родную в колонию германского и японского империализма. Троцкий замыслил дать Германии и Японии эксплуатировать нашу руду, марганец, золото, нефть и азотистые удобрения.

Троцкистская банда стремилась к тому, чтобы в СССР, как и в их козине, троцкистские холоты надеялись только на поражение СССР в войне с германским и японским империализмом, стремились ускорить эту войну и подготовить поражение СССР. Они устраивали взрывы на предприятиях, они составляли шпионские сводки для фашистских разведок, они убивали и отравляли рабочих, красноармейцев, взрослых и детей, они совершали все мыслимые подлости, злодейства, изобретали все новые сверхподлости, ультра-злодейства, чтобы прорваться к власти и восстановить капитализм в нашей стране. Никогда не сбылись эти мечты подлейших из подлых! Нет и не будет в мире той силы, которая могла бы повернуть нас назад под ярмо капитализма.

Отвратительны, гнусны, трижды подлы, до и ничтожны даже в ярости своей бешеные троцкистские псы, возмечтавшие отдать в капиталистическое рабство великую семью народов СССР. Великим глумом к троцкистской падали наполнены сердца десятков миллионов трудящихся.

Суровая рука социалистического закона сметет с лица прекрасной советской земли троцкистскую нечисть.

Все это не случайно. То, что нет решительной борьбы за ликвидацию последствий вредительства, наводит нас на мысль, что у нас не все благополучно. Надо удесятерить бдительность, разоблачить притаившихся подлых гадов-троцкистов вывести их на чистую воду.

Мы еще теснее сплотимся вокруг коммунистической партии и великого нашего вождя товарища Сталина. Грудью будем защищать нашу родину. Обязуемся государственную программу угледобычи 1937 года выполнить досрочно. Это будет вернейшим ударом по врагам народа. Просим Верховный суд к подлым агентам фашизма — троцкистским бандитам применить самое суровое наказание — расстрел.

Федотин, Политов, Теканов, Шевченко, Попов, Поселов, Сухин, Кучерук, Тыминцев.

Стахановец-плотник тов. Миданов вспоминает, как в 1914 году он работал у хозяина Анжерских копей Михайлосона. Он заставлял работать 12-16 часов в сутки, а платил 80 коп в день. Издевательствам над рабочими со стороны мастеров и подрядчиков не было предела: рабочих били, выгоняли с работы, не выплачивали заработанных денег и т. д. После Октябрьской революции жизнь пошла совсем по-иному. Мы освободились из-под гнета капиталистов.

— Мы никому не позволим отнять у нас социализм, который мы пеним дорожке жизни, — заявляет т. Иванов. Таких выступлений было много. Все присутствующие на собрании единодушно выразили свое возмущение предательством троцкистских бандитов. готовивших реставрацию капитализма, и просят Военную коллегию Верховного суда вынести единственный приговор — расстрелять всех до одного фашистских псов. В. КАРАВИШКИН.

Тов. Скурихин пишет в письме: «Займите в избу к любому колхозу нашей артели, и выслушайте радость колхозной жизни. Вальковский Алексей Иванович — важный колхозник, а в прошлом крестьянин-бедняк. В личном пользовании Алексея Ивановича корова, поросенок, птица. Получает он хлеба на трудодень 168 пудов.

Мы, колхозники, еще теснее сплотимся вокруг партии Ленина — Сталина, еще энергичнее станем бороться за укрепление колхозного строя. Пусть не рассчитывают троцкисты-контрреволюционеры, что им удастся расшатать колхозы, посадить в деревню снова кулаков-мироедов. Мы сумеем во всех условиях отстоять свои колхозы».

Ника артист «Красная» показывали в Калининском сельсовете, Чирякова, член колхоза «Агитатор», Костенковский сельсовета, Михалева и Ялена колхоза имени Калинина, Сосновский сельсовета, тов. Скурихина.

Тов. Скурихин пишет в письме: «Займите в избу к любому колхозу нашей артели, и выслушайте радость колхозной жизни. Вальковский Алексей Иванович — важный колхозник, а в прошлом крестьянин-бедняк. В личном пользовании Алексея Ивановича корова, поросенок, птица. Получает он хлеба на трудодень 168 пудов.

Мы, колхозники, еще теснее сплотимся вокруг партии Ленина — Сталина, еще энергичнее станем бороться за укрепление колхозного строя. Пусть не рассчитывают троцкисты-контрреволюционеры, что им удастся расшатать колхозы, посадить в деревню снова кулаков-мироедов. Мы сумеем во всех условиях отстоять свои колхозы».

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Утреннее заседание 26 января

Утреннее заседание 26 января началось допросом подсудимого Стремлова, бывшего главного инженера треста «Кузбассуголь». Данные им показания полностью изобличают его, как наймита германской разведки, изменника родины, вредителя и диверсанта.

После перерыва допрашивается подсудимый Норен, бывший начальник строительства Кемеровского комбината. Он подтверждает свои показания о вредительской деятельности, совершенной по директиве Пятакова. На вопрос товарища Вышинского: «то сделано конкретно в области вредительства», Норен отвечает, что им было задержано строительство важнейших предприятий оборонного значения.

В конце утреннего заседания был допрошен также свидетель Штейн, германский специалист, работавший по монтажу в Кузбассе. Свои показания он давал на немецком языке. Свидетель подтвердил директивы вредительского характера, которые давали германскими инженерами-фашистами — Вурмом, Флессе и Флореном, работавшими в Кузбассе, а также подтвердил факты преступной деятельности Шестова.

По ходатайству государственного обвинителя тов. Вышинского суд приступил к делу ряд вещественных доказательств, в частности фотографии германских инженеров — вредителей, дневник Стремлова, две его записные книжки, справку директора гостиницы «Савой» о проживании германского подданного Берга, с которым был связан Стремлов, и другие.

Вечернее заседание 26 января

В начале вечернего заседания председательствующий тов. Ульрих оглашает перечень вопросов технической экспертизы. Эксперты — инженеры Лекус, Покровский и Моносевиц — заявляют, что на поставленные вопросы они сумеют ответить завтра к 6 часам вечера.

Начинается допрос подсудимого Арнольда. У него, оказывается, много фамилий, Арнольд — не настоящая фамилия. По отцу его фамилия Ефимов, по матери — Иванов, до 19 лет он был Васильевым (по фамилии его крестного), в 19 лет он стал Карлом Раком, затем стал слова Васильевым, а «Ракса», как он говорит, — я положил обратно в карман, потом стал Аймо Кюльпенен, затем — Валентином Вольффридовичем Арнольдом.

Родился в Ленинграде, переехал в Выборг, из Выборга — в Гельсингфорс, оттуда в Германию, оттуда в Роттердам, вернулся в Финляндию — в Гельсингфорс, Выборг и Свеаборг, уехал в Швецию и Норвегию, вернулся в Выборг в 1915 г., был взят в царскую армию, но армия не понравилась, почему из армии удрал. Был задержан, судим, послан на фронт под Ригу, был там месяца полтора-два, заболел, очутился в тылу («дорогой» нашла себе ефрейтора; с большим чином боюсь, что не справлюсь»), попал в Юрьев в латышский полк, прослужил до начала 1916 г., получил отпуск и поехал обратно в Финляндию. Переменял фамилию Васильева на Аймо Кюльпенен, добыв себе мошенническим путем документ на это имя. Уехал в Минск, оттуда во Владивосток (по похищенным военным документам), оттуда на Камчатку,

в Японию, затем в Архангельск. Поступил на американский пароход, приехал в Нью-Йорк, был завербован в солдаты американской армии (конец 1917 г.), приехал американское подданство, переименовал имя и фамилию Аймо Кюльпенен на Валентин Арнольд. Попал во Францию, «рабен был оскотом шпантели под Верденом», вернулся в Америку, сидел в тюрьме за присвоение казенного имущества. Уехал в Финляндию, но вместо Финляндии попал в Южную Америку, в Буэнос-Айрес. Оттуда — в Шотландию, оттуда — опять в Нью-Йорк.

Был в Америке членом масонской ложи — «мастером ложи древних свободных масонов».

— Я приближался к высшему слою общества, — объясняет Арнольд. — Познакомился с американским обществом «технической помощи Советскому Союзу» и в 1923 году по рекомендации общества поехал, как американский специалист, в Кемерово «оказывать техническую помощь» Советскому Союзу.

Вступил в Кемерово в 1923 году в коммунистическую партию, прошел три чистки. Сумел скрыть свое прошлое.

В 1932 году познакомился с Шестовым, который завербовал его в троцкистскую организацию. Первый террористический акт Арнольда пытался совершить весной 1934 года против товарища Орляновского. Арнольд был тогда заведующим гаражом. Он сам, вместе с Шестовым, поехал товарищей Орляновским, Эйхе и Рухимовича. Когда машина спускалась с горы со скоростью 80 километров, он должен был остано-

вить со всей силой на препятствии. Но в последний момент струсил.

— Я не знал, чем эта авария окончится для меня... Я затормозил.

Таким же образом расстроился террористический акт против товарища Молотова. Арнольд показывает:

— Когда я стал еще только знакомиться с проселочной дорожкой на швейную, внезапно налетел на легит машина. Тут думать мне было некогда, я должен был совершить террористический акт. Смотрю, в раю машина летит мне навстречу, тогда понял, что Черепухин, знаешь, мне не поверил — послал вторую машину. Я думать долго не успел, я истугался. Я успел повернуть сторону, в ров, и в этот момент я схватил Гринянский и сбил. «Что ты делаешь?»

Допрос переходит к члену коллегии защитников тов. Казначееву.

Казначеев: Почему вы вступили в троцкистскую организацию?

Арнольд: Я слышал, что троцкисты сильны, что они будут у власти и считал, что и я не буду в последних рядах.

Таков подсудимый Арнольд, преступный Троцкий. Жулик, авантюрист, вор, продажная, гнусная тварь.

Затем суд переходит к допросу подсудимого Ливинца.

Вредительская работа Ливинца началась со срыва погрузки угля Южной дороге.

Позже некоторым дополнительным вопросам подсудимый Пятакову Ливинцу вечернее заседание заканчивается. (ТАСС).

Блестящая победа машиниста-орденоносца Огнева

ТУЛА, 25 января. Машинист-орденоносец Огнев, доведший пробег своего паровоза до 22140 километров в месяц и беспромысловый пробег до 40800 километров, одержал новую блестящую победу. Его паровоз «ФД» сделал рекордный пробег между отбоями бандажа в 60240 километров. Сейчас паровоз в отбое. При осмотре паровозного котла арматура в другие детали оказалась в отличном состоянии.

Тов. Огнев послал на имя наркома путей сообщения товарища Л. М. Кагановича рапорт, в котором пишет:

«После выхода паровоза из отбоя наша бригада покажет еще лучшие образцы работы».

Коротко

ВЕНА, 25 января. По сообщению из Белграда, вчера там пошел договор «о нерушимом мире, честной и вечной дружбе» между Болгарией и Югославией.

ЛОНДОН, 25 января. Вчера двумя многолюдными митингами в Манчестере открылась кампания за единство действий коммунистической партии, социалистической лиги и независимой рабочей партии. На митингах в Манчестере присутствовало 6 тысяч человек. Выступали генеральный секретарь ЦК компартии Поллит, лидер независимой рабочей партии Мекстон и другие. (ТАСС).

ВОКРУГ ОБРАЗОВАНИЯ НОВОГО КАБИНЕТА В ЯПОНИИ

ТОКИО, 25 января. «Ниц-ниц» и «Доци» сообщают, что военные власти, обсудив создавшееся положение, уже признали, что не будут поддерживать Угаки в формировании нового кабинета. В принятии этого решения участвовали заместитель военного министра Умеда, заместитель начальника генерального штаба Нисиро, заместитель генерального инспектора военного обучения Накамура и другие, собиравшиеся на экстренном совещании в военном министерстве. Решение совещания тотчас было доведено до сведения начальники генерального штаба принца Камина.

Политические партии и деловые круги весьма сочувственно встретили перспективу образования правительства Угаки. В этих кругах полагают, что

политическое прошлое Угаки является известной гарантией «постепенности» тех перемен, которые предстоят в Японии. Партия митэато и сейюкай, по словам «Асахи», поддержат правительство Угаки даже в том случае, если Угаки в создавшейся обстановке лишен будет возможности включить их представителей в кабинет, понимая, что сам Угаки при наличии свободы действий охотно включил бы их в кабинет.

Все газеты приветствуют перестановку прихода правительства Угаки к власти, выражая надежду, что оно «существует такую административную реформу, которая встретит одобрение населения», а также «примет меры к сохранению конституционного строя».

ОТ КОМИТЕТА ОБОРОНЫ МАДРИДА

ЛОНДОН, 26 января. Во вчерашнем вечернем сообщении комитета обороны Мадрида говорится, что в районе Эсборнала мятежники бомбардировали позиции республиканцев. Правительство испанцы успешно отвечало. В районе Архангуэра незначительные атаки мятежников были отбиты. Кавалерия противника была обращена в бегство. 12 самолетов мятежников бомбардировали позиции правительственных войск, но были отбиты.

В мадридском районе артиллерия мятежников усиленно бомбардировала

позиции правительственных войск. Правительственные батареи бомбардировали окопанные войско мятежников.

По словам корреспондента «Дейли геральд», правительственные войска атаковали позиции мятежников в районе Усера и Карабанчель.

На южном фронте правительственные войска, продвигаясь на фронте Малаги, заняли две деревни. Одна из них расположена на высоте, господствующей над Марбельей (в юго-западу от Малаги). (ТАСС).

Процесс антисоветского троцкистского центра

Утреннее заседание 25 января

Допрос подсудимого Богуславского

(Окончание. Начало см. «Б. С.» за 27 января)

Вышинский: — От вас Пятаков и Радех скрывали?

Богуславский: — Они же здесь показывали, что последнюю директиву Троцкого в конце 1935 года они в особенности скрывали и никому о ней не говорили, в том числе и мне.

Конечно, я без этого я обязан был понимать хотя бы то, что понимает каждый рабочий и колхозник в нашей стране — куда это ведет.

Вышинский: — Но это вы когда поняли?

Богуславский: — Когда меня арестовали, я чувствовал себя в положении человека, который ходит у глубокой пропасти и знает, что он должен в нее упасть. В течение 8 дней до моих первых показаний для меня уже было совершенно ясно, что пора кончать.

Допрос подсудимого Дробниса

Отвечая на вопрос товарища Вышинского об участии в подпольной троцкистской преступной деятельности после 1927 года, Дробнис показывает, что после возвращения в партию в 1929 году он возобновил троцкистскую деятельность в начале 1932 года. Направляясь на работу в Среднюю Азию, он получил задание от Пятакова связаться там с Сафоновой и со Смирновой, перед которыми центром были поставлены задачи организации террористических групп для того, чтобы их можно было «импортировать» в Москву.

Далее Дробнис показывает, что в мае 1934 года по решению троцкистского центра, при помощи Пятакова, он перебрасывается в Западную Сибирь для укрепления троцкистской контрреволюционной деятельности, причем Пятаков выдвинул совершенно новую задачу: не только террор, но и диверсия, и вредительство. Отвечая на вопрос Вышинского, в чем заключались указания Троцкого, Дробнис показывает:

— Пятаков сказал, что необходимо привлечь к этой работе и специалистов из числа бывших вредителей и тех, кто контрреволюционно настроен, и что надо в Западной Сибири связаться с Шестовым, Леоновым и Владимиром Косиным. По дороге в Кемерово, куда я был назначен заместителем начальника Кемеровского комбината, я остановился в Новосибирске и имел беседу с руководителем западно-сибирского центра Мураловым.

Вышинский: — Носков, Шубин и Куров — это все те, которые судились по кемеровскому процессу?

Дробнис: — Да. В одной беседе Носков заявил мне о том, что Пешехонов ему сказал, что он привлечен в организацию для вредительской работы немецкого инженера Штиклинга.

Вышинский: — Тот самый Штиклинг, который проходил по кемеровскому делу?

Дробнис: — Да. Я ответил Носкову: это хорошо. Таким образом, была возвращена работа и на кемеровском руднике. В июле 1935 года Носков рассказывал мне о том, что им подготовлен взрыв шахты «Центральная», которой он руководил. Я это одобрил.

Вышинский: — А вы обсуждали вопрос о том, в каких условиях этот взрыв должен произойти?

Дробнис: — Носков сказал, что такое вредительское мероприятие, как заминирование шахты, связано со взрывом и влечет за собой человеческие жертвы. Я сказал: что же, надо и на это пойти. Это будет даже хорошо, ибо вызовет озлобление рабочих и даст возможность привлечь их симпатии на нашу сторону.

Вышинский: — Вы, значит, не только одобрили этот план Носкова — взорвать шахту, но дали также санкцию на то, чтобы это было произведено в условиях прямой гибели рабочих?

Дробнис: — Я спрашивал у Носкова, можно ли произвести такой вредительский акт без жертв. Он мне ска-

Вышинский: — Скажите о своем участии в западно-сибирском подпольном центре.

Муралов: — В начале 1931 года, будучи в командировке в Москве, я увиделся с Иваном Никитичем Смирновым. Он мне рассказал, что был за границей и видел там с Седовым, рассказав о новых установках Троцкого относительно применения террора в отношении и руководству коммунистической партии и правительства.

Смирнов посоветовал восстановить наш сибирский центр в составе известных ему и мне лиц, тех, которые в 1929 году были выпущены из тюрьмы. Эти имена были указаны — Сумецкий и Богуславский. Первой задачей этого центра было собирание троцкистских сил и организация крупных террористических актов. Приехав в Новосибирск, я постарался познакомиться с Сумецким и Богуславским и передал им то, что передал Иван Никитич Смирнов и что я воспринял, как должное. Они тоже соглашались со мной, и в таком составе начал функционировать троцкистский контрреволюционный центр в Сибири. Я — руководитель, Сумецкий должен был собирать кадры, главным образом, среди молодежи высших учебных заведений. Троцкисту Ходорозе я поручил организовать террористическую группу. Он сформировал ее в 1932 году. Общественно-террористического акта — секретарь правого комитета ВКП(б) Эйка.

В этом же 1932 году в Новосибирск приехал Шестов и привез письмо от Седова. Это письмо содержало в себе много баллетристики и было написано обличительным тоном, но то, что было не баллетристическим, было расшифровано и читалось ясно, а именно — директива Троцкого о переходе к террористическим действиям. Письмо подтверждало то, что сказал Смирнов.

В 1932 г. я получил еще одно письмо от Седова, которое мне привез Зайдман — троцкист-инженер. В нем предлагалось ускорить террористические акты по отношению к Сталину, Ворошилову, Кагановичу и Кирову.

В 1933 г. я опять получил письмо от Седова, в котором говорилось, что «старик доведен нашей деятельностью». В 1934 г. я связался с Пятаковым и информировал его о нашей деятельности. Пятаков осведомил

оппортунистами, а, во-вторых, трудными людьми, не способными на остроты действия. (Диничин в зале). Пятаков мне заявил, что они изменились. Тут же я узнал о составе западного центра, в котором состояли Пятаков, Радех, Сокольников, Серебряков.

Что касается организации террористических групп и действий, то первая группа была организована Ходорозе под моим непосредственным руководством в составе 3-4 лиц в Новосибирске; затем — группа в Томске из Кашкина (директор индустриального института) и Николаева (его ассистент), с которыми я виделся, дал указания, одобрил их план покушения на случай приезда туда Эйке. Группы были организованы Шестовым в Прокопьевске и в Анжерке. В Прокопьевске пытались в 1934 году совершить террористический акт против Молотова, но акт оказался неудачным.

Вышинский: — Не удалось потому, что вы отказались от этого?

Муралов: — Нет, тогда просто не удалось.

Вышинский: — Расскажите подробно, как была организована попытка совершить покушение на жизнь товарища Молотова.

Муралов: — Я поручил это Шестову. Он сказал мне, что у него есть уже подготовленная группа, во главе которой стоял, кажется, Черепухин, и что подготовлен шофер, который готов пожертвовать своей жизнью для того, чтобы лишить жизни Молотова. Но в последний момент шофер скрепился, не рискнул пожертвовать своей жизнью и, таким образом, сохранил жизнь Молотова.

Вышинский: — В чем выражалась самая попытка покушения?

Муралов: — Автомобиль должен был свернуть в канаву на полном ходу.

Вышинский (к Шестову): — Вы подтверждаете эти показания Муралова?

Шестов: — Да. Принимая еще, что в начале июля 1933 года ожидался приезд в Кузбасс Орджоникидзе, и я получил от Муралова установку на совершение террористического акта против Орджоникидзе.

Вышинский: — Что вы сделали практические?

Шестов: — Я сделал распоряжение Черепухину о немедленном выезде в Прокопьевск для личного руководства

Вышинский: — «Кавалеса» в 15 метрах! Чем был тогда Арнольд?

Шестов: — Арнольд был заведующим гаражом. Он опытный шофер. Черепухин предусматривал доминирующую перестраховку: если почему-либо Арнольд срежиссировал, тогда вторым — грузовой — машина, идущая навстречу, должна ударить в бок легковую машину, так, что обе машины должны были полететь в овраг.

Действительно, Арнольд без Молотова, повернул руль недостаточно и тем самым дезориентировал тяжелую машину, которая проскользнула в канаву, что Арнольд попал в овраг. На самом деле он, хотя и повернул руль в овраг, но повернул недостаточно решительно.

Вышинский (к Арнольду): — Вы слышали показания Шестова? Правильно он показал? Факт такой был?

Арнольд: — Да, факт.

Подсудимый Муралов оспаривает показания Шестова в части, касающейся организации покушения на Сергея Орджоникидзе.

Вышинский: — Подсудимый Шестов, вы слышали, что Муралов отрицает ваше показание?

Шестов: — Я самым решительным образом настаиваю на своих показаниях. Черепухин не совершил этого террористического акта лишь потому, что группа, которая должна была стрелять из револьвера в шахте «Коксовая», ягнудла, а машиной в то время Орджоникидзе не воспользовался.

Вышинский (к Муралову): — Не было у вас разговора с Натальей по поводу убийства С. М. Кирова?

Муралов: — Был разговор, что все-таки директива приходится в исполнение: одного человека уже убили.

Вышинский: — Одного убрали! А не говорим Пятаков, что теперь очередь за остальными?

Муралов: — Подтверждаю, говорил.

Вышинский: — А не говорите ли, что террор вообще не дает результатов, когда убьют одного, а остальные останутся и что поэтому надо действовать сразу?

Муралов: — И я и Пятаков — мы чувствовали, что надо организовать так, чтобы сразу прожечь панцирь, растерянность в партийных рядах и этим способом прийти к власти.

достаточно большая группа немецких специалистов-диверсантов.

Вышинский: — Назовите фамилии.

Шестов: — В Прокопьевске был связан с Шебето, Флоренсом и Кан. В 1934 г. я работал уже управляющим другого рудника и там связался с Штейном. Шебето попросил дать ему план для нанесения в зем ответственных сооружений, чтобы начать кампанию по диверсионной работе. Я ему этот план дал. Он его использовал для диверсии в Прокопьевском районе.

Вышинский: — Дальше что еще было?

Шестов: — По моему указанию, в одном месте, где было хранилище динамита, при помощи техника Кана взорвали динамит и устроили свой по тайной склад динамита. В 1934 году склад взорвался. Дети шахтеров несли неподалеку от этого места, вероятно, копали и наткнулись на этот динамит. Получился адский взрыв.

Вышинский: — А с детьми что было?

Шестов: — Погибли. В мае 1933 года Шебето произвел поджог Кузнецкой электростанции по поручению германской разведки и по моему поручению. Дальше от Флоренса я знаю, что он поджог осенью 1934 года бункера шахты Девятой.

Вышинский: — А вот ваша подрывная работа, вредительский монтаж шахт и другое?

Шестов: — Я сейчас к этому перейду. Это очень большой раздел. На Прокопьевском руднике была проведена камерно-столбовая система без закладки выработанной поверхности. Благодаря этой системе мы имели 50 с лишним процентов потерь угля вместо обычных 15—20 процентов. Второе: благодаря этому факту мы имели на Прокопьевском руднике к концу 1935 года около 60 подземных пожаров.

Вышинский: — Кто вам помогал в этой преступной работе?

Шестов: — Мне помогал Строилов, управляющий Прокопьевским рудником Овсянников и главный инженер этого же рудника Майер. При их содействии была несвоевременно начата углубка шахт, в частности шахты Молотова, сознательно законсервировали с 1933 года сотни горизонты шахты Коксовой, одновременно не начали углубку шахты Манежа и шахты 5-6 — задержали до 2-х лет. Дальше, по Прокопьевскому руднику лично мною были заложены две крупные мастерождения, где, я это заранее знал, будут крупные неприятности при эксплуатации. Все это делалось сознательно. На шахте Коксовой, на

при монтаже подземной электростанции и других механизмов была проведена крупная подрывная работа. Эта проделана завербованный инженер Шнейдер с группой своих помощников.

Вышинский: — Все?

Шестов: — По Анжерке на два года был оттянут взвод в действии шахты 5. Такая же крупная вредительская работа была проделана по шахте 9-15. Дальше, проводили крупные мероприятия вредительского и разрушительного порядка на механизмах, находящихся в эксплуатации как по Ленинскому, так и по Анжеро-Судженскому руднику, благодаря которым эти рудники в течение пяти лет сидели в прорыве.

И последнее. На всех рудниках — Прокопьевском, Анжерском и Ленинском — проводилась подрыв стахановского движения: была дана директива вымотать нервы рабочих. Прежде чем рабочий дойдет до места работы, он должен двести матов пустить по адресу руководства шахты. Создавались невозможные условия работы. Не только стахановскими методами, но и обычными методами невозможно было нормально работать.

Вышинский: — Два вопроса. Во-первых, наряду с теми преступлениями, о которых вы сейчас говорите, нет ли за вами, я просто скажу, бандастских преступлений в прямом смысле этого слова? Например, грабежей, убийств?

Шестов: — Убийства были. В Прокопьевске по моему заданию был убит террористической группой инженер Бояринов, который мне заявил, что на работах Шахтостроя творится неладное. Сам Бояринов — бывший вредитель Донбасса, но он честно работал на этом руднике.

Вышинский: — Он к вам обратился, как к авторитетному руководителю?

Шестов: — Да. Он хотел раскрыть мне глаза на это. Я поблагодарил его и сказал: «Кому нужно, я сообщу, а вы пока молчите». А затем я вызвал Черепухина и дал задание убить его, и это было сделано. (Диничин в зале).

Вышинский: — Второй вопрос: а с грабежами как дело обстоит?

Шестов: — Было ограбление анжерского банка. При моем участии, по моему заданию.

Вышинский: — Как это дело случилось?

Шестов: — В 1934 году мною был завербован управляющий отделением государственного банка Анжеро-Судженского района Фигурин, он привлечен к организации старшего кассира Соломина, и они для целей нашей организации изъли из кассы 164 тысячи

ро, куда и был назначен заместителем начальника Кемеровского комбината, а остановился в Новосибирске и имел беседу с руководителем западно-сибирского центра Мурашовым.

Вышинский: — В Кемерово вы свалились с местными троцкистами?

Дробинис: — В Кемерово я стремился заслужить доверие партийных и советских организаций, чтобы уменьшить подозрительное и недоверчивое отношение к себе и потом начать вербовать людей.

В марте 1935 года я был вызван к Пятакову, чтобы проинформировать его о моей вредительской, диверсионной работе в Кузбассе и особенно на кемеровском химическом комбинате.

Пятаков сказал мне, что Троцкий требует наиболее энергичной наступательной работы и подчеркнул, что не надо стесняться средствами.

Вернувшись в Кемерово, показываю Дробинису, он, по указанию Пятакова, связывается с вредителями: главным инженером Карповым и завернул работу по плану, разработанному Норкиным и согласованному Пятаковым.

В план входило размышение средств у второстепенных мероприятий, т.е. ежечасное строительство в таком направлении, чтобы важные объекты не вноси в эксплуатацию в сроки, указанные правительством. Главным образом, вредительская деятельность была развернута на предприятиях оборонного значения.

Вышинский: — Главным образом на предприятиях оборонного значения?

Дробинис: — Да. В действующих предприятиях по коксохимическому заводу сознательно был допущен ряд неделок, которые очень серьезно отразились на работе завода, понижали качество продукции, давали кокс очень высокой влажности и зольности. Несмотря на то, что рабочие коксохимического завода стремились улучшить работу, им это не удавалось вследствие вредительства, которое там проводилось.

Шестов пришел ко мне в Кемерово осенью 1935 года. Он рассказал, какие у него намечены мероприятия, главным образом, по срыву шахтостроения, снижению добычи угля и ряду других мероприятий. Он мне пообещал, чтобы я использовал на кемеровском руднике бывшего вредителя Пенехонова.

Шестов, очевидно, не мог охватить кемеровского рудника. Поэтому мне пришлось непосредственно заняться этим делом. Мне удалось получить связи с заместителем начальника, а потом с начальником Центральной шахты Носковым, с Шубиным. Куром и при их помощи провести вредительскую работу.

на то, чтобы это было произведено в условиях прямой гибели рабочих?

Дробинис: — Я спрашивал у Носкова, можно ли произвести такой вредительский акт без жертв. Он мне сказал, что это исключено. Я после этого сказал, что тут минимизировать нечего, за это надо пойти.

Вышинский: — Как вы объясняли это?

Дробинис: — Я говорю, что... что надо... я уже говорил о том, что надо пойти и на это, что это даже... а если даже это вызовет жертвы, это в свою очередь вызовет злобление рабочих и тут будет польза нам.

Вышинский: — Но это же не то, что вы пытались здесь утверждать. Вы здесь говорили, что спрашивали Носкова: нельзя ли без жертв обойтись? По вашим словам выходит, что вы не только не хотели жертв, но, наоборот, вы считали, что чем больше будет жертв, тем лучше будет для вас.

Дробинис: — Да, ну так, примерно...

Вышинский: — Ну, я понимаю, что об этом нельзя вам, конечно, говорить здесь перед народом, говорить так же вредно, как и надо говорить. Тут ничего не поделаешь. Вы говорили о том, что смущаться этим нечего?

Дробинис: — Говорил.

Вышинский: — А это означает, что если погибнут при этом рабочие, пускай погибнут. Вы подбуживали Носкова?

Дробинис: — Да.

Вышинский: — Насчет убийства рабочих подбуживали и даже говорили, что чем больше убийств, то будет лучше, так я понимаю вас?

Дробинис: — Да.

Вышинский: — Потом этот взрыв был произведен?

Дробинис: — Я был арестован 6 августа, а взрыв был 23 сентября.

Вышинский: — А санкцию за взрыв вы дали?

Дробинис: — А санкцию я дал в конце или середине июля.

Вышинский: — Следовательно, и ваш арест не поменял осуществления взрыва потому, что оставался на заводе Носков?

Дробинис: — Да.

Вышинский: — А можно было помешать?

Дробинис: — Помешать? Конечно, можно было.

Председательствующий: — Подсудимый Дробинис, а какие вы давали советы Носкову относительно вопросов, если бы все вышло, на кого нужно было свалить эти диверсионные вредительские акты?

Дробинис: — Свалить всю вину на беспартийных специалистов.

Председательствующий: — Хотя бы ни к чему не причастных?

Дробинис: — Ну, само собой понятно.

мо от Седова, в котором говорилось, что «старик доволен нашей деятельностью». В 1934 г. я связался с Пятаковым и информировал его о нашей деятельности. Пятаков осведомил меня о том, что вошел в соглашение с правыми. Меня сначала удивило, что правые встали на наши позиции и в смысле террора, и в смысле вредительства, и что у них есть свой центр в составе Томского, Рыкова и Бухарина. Эта новость меня удивила во-первых, потому, что я считал их

Вышинский: — Подсудимый Шестов, сообщите о вашей преступной деятельности.

Шестов: — Моя троцкистская деятельность началась в конце 1923 года. Будучи тогда студентом рабфака Москвитской Горной академии, я активно занимался троцкистской платформой. В 1924 году я впервые обманул партию, когда на одном из партийных собраний заявил, что отхожу от троцкизма. Это была ложь.

Дальше подсудимый Шестов рассказывает, как, будучи в 1931 году в Германии, он договорился с Пятаковым, Н. Н. Смирновым и Л. Седовым о ведении троцкистской контрреволюционной работы в СССР.

Вышинский: — Вы в Берлине встречались с Седовым?

Шестов: — Да, при первой встрече и задавал ему вопрос, что же думает наш вождь Троцкий, как к конкретным задачам он ставит перед нами, троцкистами.

Седов заявил, что его отец считает, что единственно правильный путь, путь трудный, но верный — это путь насильственного удаления Сталина и руководителей правительства путем террора. Седов спросил меня, не знаю ли я кого-либо из директоров немецких фирм, в частности Даймлера. Я сказал, что такую фамилию помню, это директор фирмы «Фрейль-Клоппель-Даймлер». Эта фирма ведет по договору техническую помощь по проходе в Кузнецком бассейне. «Ну, вот, — сказал он, — я вам и советую с этой фирмой связаться и познакомиться с г-ном Даймлером». Я задавал вопрос: для чего связаться? Он сказал, что эта фирма помогает отправлять корреспонденции в Советский Союз. Я тогда ему сказал: «Вы что же мне советуете, чтобы я решил с этой фирмой в какую-то сделку?» Он говорит: «Что же тут странного? Вы же понимаете, что раз они нам оказывают услугу, почему мы не сможем им оказать услугу, давая некоторую информацию?»

Я говорю: «Вы мне предлагаете просто на-просто быть шпионом». Он

пожал плечами и говорит: «Нам рано вы бросаетесь такими словами. В борьбе ставить вопрос так целесообразно, как вы ставите, неправильно».

Вышинский: — Какие вы имели поручения и как вы их выполняли?

Шестов: — Я имел до отъезда свидание с директором упомянутой фирмы Даймлером и его помощником Кохом.

Вышинский: — В чем заключалась сущность изъясного разговора?

Шестов: — Во-первых, о достижении средних сведений через представителей этой фирмы, работающих в Кузбассе, и об организации совместно с троцкистами вредительской, диверсионной работы. Говорилось и о том, что фирма в свою очередь окажет поддержку нам.

Вышинский: — Дальше что случилось?

Шестов: — Дальше я приступил к конкретной оперативной работе. Я начал с вербовки инженера Строилова. Являясь на его квартиру, я вопрос поставил прямо. Оказал, что мне известно о его связи с фирмой «Фрейль-Клоппель-Даймлер».

Поэтому я прямо сказал, что нечего ему складывать оружие, а нужно снова начать активно работать по линии разрушительной и подрывной. Мне неважно было завербовать одного Строилова, а важно было завербовать его единомышленников. Я знал, что он пользуется большим доверием у ряда инженеров, у меня не было сомнений, что они связаны и по контрреволюционной работе. Я предупредил его: не подумайте сообщить обо мне в ГПУ, я достаточно авторитетен в Западно-Сибирском крае, вам никто не поверит, а если я скажу о вашей работе то, что знаю, вы, безусловно, будете немедленно арестованы. Строилов растерялся и сказал, что ответ даст завтра. А на другой день Строилов сказал, что он согласен принять участие в нашей организации. Строилов должен был составить вредительский план.

Вышинский (к Строилову): — Как вы сделали агентом германской разведки?

Строилов: — В конце ноября 1930 года я приезжал в Москву на сессию ВЦИК, как кандидат в члены ВЦИК. Я был у себя в колхозе, где живут мои родители. Мне представлялось тогда, что то, что предпринято с коллективизацией, — неверное дело. Во всяком случае, в отношении тех темпов, которые приняты. Мне тогда представлялось, что и темпы и объем индустриализации, которые взяты у нас в Союзе, слишком велики. У меня были колебания. Я стал сомневаться...

После того, как я побывал на сессии, я вернулся в Германию. У меня возникло желание остаться в Германии. Вышинский: — Возникло желание остаться в Германии, и вы об этом кому-нибудь сообщили?

Строилов: — Я не только сообщил, но дал записочку.

Вышинский: — Какую, кому?

Строилов: — Вюстеру. Передал записку, что я решил отказаться от возвращения в Союз и выражаю желание остаться в Германии и работать вместе с ними энергично и выполнять их задания.

Вышинский: — Как это можно назвать?

Строилов: — Изменой... родине.

Вышинский: — Измена родине! Русский человек! Советский гражданин! Записочка эта у кого оказалась в руках, у Вюстера?

Строилов: — Вюстер заявил, что я теперь в их руках и если я не буду выполнять отдельных их поручений и заданий, то я буду передан в руки советских властей, которым будет предьявлена эта моя личная записка. Поэтому я согласился с Вюстером, т.е. сделался изменником.

Вышинский: — Таков конец. Садитесь. Можно продолжать вопросы Шестову?

Председательствующий: — Пожалуйста.

Вышинский (к Шестову): — В чем заключалась ваша шпионская работа?

Шестов: — В конце 1932 г. в Новосибирске я встретился со Строиловым, и он мне сказал, что прибыла новая,

чувствовали, что надо организовать так, чтобы сразу произвести паннику, растерянность в партийных верхах и этим способом прийти к власти.

Отвечая на вопрос государственного обвинителя, Мурашов рассказывает, что лишь на 8-м месяце своего ареста он понял, что надо кончать, что он не захотел стать знаменем для контрреволюции в полномочии полностью оказался в совершенных им преступлениях.

Шестов

Строилов: — В конце ноября 1930 года я приезжал в Москву на сессию ВЦИК, как кандидат в члены ВЦИК. Я был у себя в колхозе, где живут мои родители. Мне представлялось тогда, что то, что предпринято с коллективизацией, — неверное дело. Во всяком случае, в отношении тех темпов, которые приняты. Мне тогда представлялось, что и темпы и объем индустриализации, которые взяты у нас в Союзе, слишком велики. У меня были колебания. Я стал сомневаться...

После того, как я побывал на сессии, я вернулся в Германию. У меня возникло желание остаться в Германии.

Вышинский: — Возникло желание остаться в Германии, и вы об этом кому-нибудь сообщили?

Строилов: — Я не только сообщил, но дал записочку.

Вышинский: — Какую, кому?

Строилов: — Вюстеру. Передал записку, что я решил отказаться от возвращения в Союз и выражаю желание остаться в Германии и работать вместе с ними энергично и выполнять их задания.

Вышинский: — Как это можно назвать?

Строилов: — Изменой... родине.

Вышинский: — Измена родине! Русский человек! Советский гражданин! Записочка эта у кого оказалась в руках, у Вюстера?

Строилов: — Вюстер заявил, что я теперь в их руках и если я не буду выполнять отдельных их поручений и заданий, то я буду передан в руки советских властей, которым будет предьявлена эта моя личная записка. Поэтому я согласился с Вюстером, т.е. сделался изменником.

Вышинский: — Таков конец. Садитесь. Можно продолжать вопросы Шестову?

Председательствующий: — Пожалуйста.

Вышинский (к Шестову): — В чем заключалась ваша шпионская работа?

Шестов: — В конце 1932 г. в Новосибирске я встретился со Строиловым, и он мне сказал, что прибыла новая,

шахты, № 7-8, на таком угольном месторождении, где, я это заранее знал, будут крупные неприятности при эксплуатации. Все это делалось сознательно. На шахте Коксовой, на шахте 5-6 при монтаже оборудова-

РАДОСТЬ В МОЕЙ СЕМЬЕ

... И вот я получила это письмо. Растерялась. А там — постановление президиума крайисполкома о том, чтобы мне выдали пособие по много-семейности, в размере двух тысяч рублей, на мою младшую дочку Валу.

Сколько было радости!

Я воспитываю семерых детей. Сколько стоило трудов всех обучить, а двоим дать среднее образование! Сейчас трое учатся в начальной школе, им нужна обувь, одежда, канцелярия. И вот эти две тысячи рублей! Как они кстати! Я купила своим школьникам каждому по пальто, катанкам и др., а на остальные деньги решила купить корову.

Вот какая радость в моей семье! А сколько таких семей в нашей области!

Сердечно благодарю наше правительство и особенно нашего любимого, дорогого товарища Сталина.

ТАТЬЯНА ЯКОВЛЕВНА САТАРЕВА.

Подгорная ул., дом № 279.

Сталинский драм. театр
ИМ. ЭЙХЕ
НАЧАЛО в 8 час. веч.
КАССА с 3 час. до 9 ч. в.

28, 29 и 30 января премьера пушкинский спектакль
1. «КАМЕННЫЙ ГОСТЬ»,
2. «БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН».

Сталинский звуковой кинотеатр
„Коммунар“
НАЧАЛО в 8 час. веч.
КАССА с 4 час. дня

СЕГОДНЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ НОВАЯ ЗВУКОВАЯ ВЕСЕЛАЯ КОМЕДИЯ
ВРАТАРЬ
В фойе перед нач. сеансов ИГРАЕТ оркестр под управлен. КОБРИНА
АНОНС! „Слава миру“ АНОНС!
С 1 февраля выступают музыкальные экстремисты Ленинградской г-сестрады Галин и Вильзак („Вим-Вом“)

Сталинский горт. атр
ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ
(вечернее б.в. ФЭУ).
телефон № 7-92-зал.

28 января
ГИМНАЗИСТЫ
Касса с 2 часов дня. Начало в 6 час. вечера
Вилеты продаются ежедневно на все спектакли.

государственного банка Анжеро-Судженского района Фигурин, он привлек к организации старшего кассира Соломина, и они для целей нашей организации изъали из кассы 164 тысячи рублей и передали мне. (ТАСС).

Шорец — почетный ударник

Технический конторщик ст. Муздыбан, напечен-шорец тов. Мещанин всегда считался самым знающим и исполнительным работником. Муздыбан и быстрее тов. Мещанина никто не мог выполнить состав поезда. В последнее время он довел быстроту переписки целого состава до 5 минут.

Из-дних специальным приказом по политуправлению НКПС тов. Мещанин награжден знаком «Почетного ударника».

КОЛЛЕКТИВНОЕ СТРАХОВАНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

В течение 1936 года по Сталинскому району застраховано по индивидуальному страхованию 14500 трудящихся. За весь прошедший год Госстрахом выдано семьям застрахованных по случаю смерти и по инвалидности 145 тысяч рублей.

ИЗВЕЩЕНИЕ

В парткабинете горкома ВКП(б) (Дворец культуры) 28 января с 10 ч. утра до 8 час. дня дается консультация по вопросам Конституции и международного положения. С 6 до 7 час. вечера радиолекция на тему: „Партия большевиков в годы империалистической войны“.

Отв. редактор Г. И. ПИНЧУН.